

реальное значение 1943 г. в блокадной эпопее, долгое время остававшееся в тени драматических событий 1941—1942 гг. Между тем до сих пор ещё недостаточно изучены особенности поведения человека в условиях, когда он перестаёт балансировать на грани смерти, когда от него не требуется уже ежедневного героизма, когда в его повседневном быту появляются забытые, казалось бы, вещи и явления — патефон, новые туфли, завивка-перманент, когда даже дерущиеся во дворе мальчишки становятся символом возвращения к мирной жизни. И тут также не обойтись без сочетания методов институциональной и социальной истории, антропологии, психологии, без известных познаний в медицине. Такой комплексный подход, использованный Г.Л. Соболевым при создании трилогии «Ленинград в борьбе за выживание в блокаде», наглядно демонстрирует, как важно порой исследователю «прожить» историю вместе со своими героями.

Никита Ломагин: Захватывающая эпопея Г.Л. Соболева

Nikita Lomagin (European University at Saint Petersburg): The exciting epic of G.L. Sobolev

DOI: 10.31857/S086956870005190-0

Появление фундаментальной работы о ленинградской блокаде, созданной известным петербургским историком Г.Л. Соболевым, — выдающееся событие в отечественной историографии. Впервые на основании самого широкого круга источников и научной литературы описаны и синхронизированы по месяцам события, происходившие в блокадном кольце и за его пределами. Это позволило выявить важнейшие черты жизни города-фронта, рассказать читателю о борьбе с немецкими и финскими войсками во всей её суровости и трагичности.

Удачной представляется выбранная Соболевым структура изложения: анализ важнейших обстоятельств каждого месяца обороны Ленинграда подкреплён тщательно отобранными документами центральных органов власти и управления СССР, Военного совета Ленинградского фронта, извлечениями из воспоминаний военачальников и дневников ленинградцев (практически из всех слоёв населения). Голоса генералов и рядовых, известных артистов, учёных, рабочих, инженеров, учителей, школьников не только ярко передают страдания, сомнения и надежды сотен тысяч людей на протяжении почти 900 блокадных дней, но и образуют многомерное пространство битвы за Ленинград и жизни в осаждённом городе, который его защитники и жители смогли не только отстоять, но и сохранить как социальную среду и общность, способную к возрождению и развитию.

Автору удалось совместить, казалось бы, несовместимое — политику (отношения Кремля и Смольного) с повседневностью. В трилогии звучат голоса тех, кто принимал решения (И.В. Сталин, Г.М. Маленков, А.И. Микоян, К.Е. Ворошилов, Г.К. Жуков, М.С. Хозин, Л.А. Говоров, А.А. Жданов, А.А. Кузнецов, П.С. Попков и др.), и тех, кого они прямо или косвенно касались. Для этого Соболев исследовал дневники десятков горожан. Среди них главный инженер завода «Судомех» В.Ф. Черкизов, старший бухгалтер Института лёгкой промышленности Н.П. Горшков, начальник планового отдела 7-й ГЭС И.Д. Зеленская, актёр Ф.А. Грязнов, директор Архива Академии наук СССР Г.А. Князев, секретарь партбюро 14-го хлебозавода М.П. Фёдорова, учительница Т.К. Великонтная, востоковед А.Н. Болдырев, школьница Е. Мухина

и др. Стихи и записи О.Ф. Берггольц, В.К. Кетлинской и З.К. Шишовой гармонично дополняют не только эмоциональный и нравственный, но и событийный фон описываемых явлений, особенно когда речь идёт о «запретных» темах, цензуре и нежелании власти в полной мере признать те колоссальные потери, которые понесли ленинградцы в «смертное» время.

Соболев смог интегрировать в единое целое огромную по своему объёму информацию. Действительно, с конца 1980-х гг. вследствие «архивной революции» и отмены цензуры появились сотни публикаций об обороне и блокаде Ленинграда. За последние 25 лет различным их аспектам было посвящено более 30 кандидатских и докторских диссертаций. Судя по Указателю Российской национальной библиотеки, только в 2013—2016 гг. вышло более 900 статей, монографий и сборников документов по данной тематике. Порою кажется невероятным, что одному исследователю под силу освоить весь этот материал, не упустив ничего существенного. Залогом успешного решения поставленных автором трилогии задач стала его блестящая эрудиция, глубокое изучение широкого круга источников, раскрывающих различные сюжеты социальной и политической истории — от революции 1917 г. до демографических проблем блокадного времени, наконец, фундаментальные труды о вкладе учёных Ленинграда в строительство оборонительных сооружений и преодоление продовольственного и топливного кризиса.

Не менее важен собственный опыт Геннадия Леонтьевича, пережившего блокаду и сумевшего найти ту тональность, которая своей правдивостью и подчас неожиданной смелостью захватывает читателя, не отпускает его, заставляет сопереживать. Каждый подобранный документ, особенно материалы личного происхождения — это пусть и короткая, но самостоятельная история, рассказ о важном событии — будь то начало войны, эвакуация (состоявшаяся или отложенная), бомбёжки и артобстрелы и, конечно, ежедневный голод. Зарисовки с натуры, оставшиеся в дневниках, показывают, что доводилось переживать горожанам, вынужденным часами выстаивать в очередях за хлебом. Описание булочных, оставшихся без света, привыкание к тому, что кругом люди умирают от голода, к смерти, которая стала нормой, похороны и кладбища — все эти и многие другие черты ленинградской повседневности 1941—1943 гг. переданы Соболевым в мельчайших деталях. Нечасто книга, изобилующая разного рода нормативными документами (приказами, отчётами, статистической информацией о соотношении сил противоборствующих сторон, о запасах и завозе продовольствия и топлива, о количестве больных и умерших и т.д.), не превращается в сухой справочник, а побуждает читателя вместе с автором погружаться в проблемы блокадной жизни.

На самом деле вопросов, которые по-прежнему волнуют историков, осталось немало. Это и причины столь длительной осады, а также безуспешности попыток прорвать кольцо в 1941—1942 гг., и ответственность должностных лиц за выпавшие на долю ленинградцев лишения и страдания, и взаимоотношения власти и населения в период блокады, и реальные потери защитников и жителей города.

Трилогия Соболева — мощный и объективный поток тщательно выверенной информации о том, как боролся, страдал и выживал Ленинград. Автором не забыто и то, как сотни и тысячи учёных в нечеловеческих условиях изыскивали возможности для пополнения скудных запасов продовольствия, медикаментов и топлива, изобретая разного рода заменители. Без этой титанической

работы, позволившей более чем на треть покрыть потребности в продуктах питания, зимой 1941/42 гг. вряд ли удалось бы сохранить более миллиона жизней и тем самым сберечь город.

Замечательный труд Соболева является наиболее масштабным и правдивым описанием блокады Ленинграда из всех существующих не только в России, но и за рубежом. Хочется надеяться на то, что вслед за первым изданием, которое вышло небольшим тиражом, появится и второе. Но в нём, вероятно, следовало бы сделать несколько уточнений (особенно в первом томе).

Ссылаясь на воспоминания А.И. Микояна, Соболев с сожалением отмечает, что Жданов вскоре после нападения Германии на Советский Союз отказался от предложения направить в Ленинград поезд с хлебом, первоначально предназначавшиеся для территорий, уже занятых противником²⁵. Анастас Иванович был не только выдающимся организатором, сделавшим очень много для мобилизации ресурсов страны и её союзников ради общей победы над нацизмом, но и являлся ключевой фигурой при снабжении Ленинграда в период войны. Его вклад в то, что город удалось отстоять, велик и заслуживает специального исследования. Но почему его предложение не было принято городскими властями и как на это повлияла сложившаяся к тому времени практика отношений между руководителями высшего уровня, в частности, между заместителем председателя Совнаркома Микояном и секретарём ЦК Ждановым?

В фонде Микояна в ГА РФ нет никаких свидетельств о том, что возможность подобного перенаправления эшелонов обсуждалась с профильными ведомствами. А без координации с Госпланом и его уполномоченным в Ленинграде, Управлением государственных материальных ресурсов, Интендантским управлением НКО и другими учреждениями разместить тысячи тонн зерна было просто невозможно. Какие-то следы переписки Микояна с этими инстанциями не могли не остаться, однако их нет или они по каким-то причинам не сохранились.

Что же известно о позиции Микояна? 1 июля постановлением Политбюро при СНК был создан Комитет продовольственного и вещевого снабжения Красной армии в составе: А.И. Микоян (председатель), А.Н. Косыгин (заместитель), А.В. Хрулёв, В.П. Зотов и С.Г. Лукин. Ответственным секретарём комитета стал М.С. Смиртюков²⁶. 3 июля Сталин подписал постановление о назначении Микояна уполномоченным ГКО по вопросам снабжения Красной

²⁵ А.И. Микоян вспоминал: «В самом начале войны, когда немецко-фашистские войска развёртывали наступление, многие эшелоны с продовольствием, направляемые по утверждённому ещё до войны мобилизационному плану на запад, не могли прибыть к месту назначения, поскольку одни адресаты оказались на захваченной врагом территории, а другие находились под угрозой оккупации. Я дал указание переправлять эти составы в Ленинград, учитывая, что там имелись большие складские ёмкости. Полагая, что ленинградцы будут только рады такому решению, я вопрос этот с ними предварительно не согласовывал. Не знал об этом и Сталин до тех пор, пока ему из Ленинграда не позвонил Жданов. Он заявил, что все ленинградские склады забиты, и просил не направлять к ним сверх плана продовольствие. Рассказав мне об этом телефонном разговоре, Сталин дал мне указание не засылать ленинградцам продовольствие сверх положенного без их согласия. Тщетно я пытался его убедить, что спортивные помещения, музеи, торговые, наконец, дворцовые сооружения могут быть использованы как склады. Когда город был блокирован врагом и создалось исключительно напряжённое положение с продовольственным обеспечением ленинградцев, Сталин сказал мне: “В твоих руках сходятся сейчас все нити руководства снабжением фронта и тыла. Поэтому тебе легче, чем кому-либо другому, следить за своевременным обеспечением Ленинграда всем необходимым”» (*Микоян А.И.* Так было. Размышления о минувшем. М., 2014. С. 460–461).

²⁶ 1941 год. Кн. 2 / Под ред. В.П. Наумова. М., 1998. С. 448.

армии обочно-вещевым имуществом, продовольствием и горючим. До этого, в условиях жёсткой командно-административной системы управления, Микоян, не обладая соответствующими полномочиями, вряд ли мог инициативно решать вопросы, связанные с перераспределением огромных ресурсов. Жданов прибыл в Ленинград из отпуска лишь 25 июня. Но ещё 23 июня бюро Ленинградского горкома ВКП(б) приняло решение использовать помещения школ и высших учебных заведений как фонд для размещения утративших жильё вследствие вражеских бомбардировок²⁷.

Что же предпринималось в столице? 6 июля Микоян провёл совещание, специально посвящённое снабжению Москвы и Ленинграда, и поручил ответственным работникам Наркомата заготовок, а также главных управлений государственных материальных и продовольственных резервов «дать справку, из каких районов должен поступать хлеб для обеспечения потребностей населения городов Москвы и Ленинграда (не потребуется ли завоз муки с Волги)», отметил особо, что «хлеб для обеспечения потребностей населения Москвы и Ленинграда размещать не в этих городах, а в районах, прилегающих к Москве и Ленинграду (выделено мной. — Н.Л.)»²⁸. 8 июля по его поручению отвечавшим за заготовки Субботину и Ершову следовало «дать справку о запасах муки и зерна в городах Москве и Ленинграде», выяснить, куда пропали «7 барж с овсом, направляемых в Ленинград», наконец, «дать картину хранения зерна, карту мельниц»²⁹.

Таким образом, о завозе хлеба непосредственно в Ленинград речи не шло, да и чёткого представления о том, где хранится зерно, Микоян, очевидно, не имел. Между тем вместимость военных складов, а также хранилищ Управления государственных материальных резервов в городе была незначительной³⁰, существенно уступая складским помещениям на западных рубежах страны — ведь врага собирались бить на чужой территории и нарушение коммуникаций между Москвой и Ленинградом в случае войны не предусматривалось.

Хранение же в зерна в непригодных для этого строениях могло привести к большим потерям. Так, созданный в 1942 г. в Ленинграде неприкосновенный запас продовольствия, по данным проверок Управления НКВД, уже через несколько месяцев понёс значительный урон³¹. К тому же ещё накануне войны СНК обсуждал проблему борьбы с крысами и принял решение провести

²⁷ Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. 1. С. 21.

²⁸ ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 98с, д. 341, л. 19.

²⁹ Там же, л. 12.

³⁰ В Ленинградском военном округе имелось 12 продовольственных складов, но непосредственно в Ленинграде находился только один (№ 175), ёмкость которого составляла 448 вагонов. Остальные размещались в Красногвардейске (108 вагонов), Красном Селе (280 вагонов), Луге (130 вагонов), Новгороде (339 вагонов), Выборге (290 вагонов), Пскове (337 вагонов) и ещё дальше от штаба округа (Там же, оп. 98, д. 360, л. 23 об., 18). Ёмкость склада № 161 вещевого и обозно-хозяйственного снабжения Главного интендантского управления Красной армии в Ленинграде достигала 1 560 вагонов (Там же, л. 19).

³¹ 11 января 1943 г. УНКВД Ленинградской области информировало секретаря горкома Я.Ф. Капустина о том, что в соответствии с решением, принятым 18 октября 1942 г. Военным советом Ленинградского фронта, Управление продторгами и «Ленглавресторан» должны были принять на хранение неприкосновенный запас продовольствия, рассредоточив его в помещениях торговой сети и общественного питания. Около 17,5 тыс. т распределили между 67 пунктами, в 65 из которых Управление НКВД провело проверку при участии представителей санитарного надзора. Этим «обследованием было установлено, что в 39 помещениях ввиду непригодности кладовых, несоблюдения требований санитарного надзора и непринятия своевременных профилактических мер хранимый неприкосновенный запас продовольствия был подвергнут порче и повреждён грызунами. В ряде кладовых некоторые продовольственные товары из-за плохого хранения приведены

осенью 1941 г. сплошную дератизацию крупнейших городов, прежде всего Москвы и Ленинграда, о чём, естественно, ленинградское руководство также было поставлено в известность. Этот фактор также приходилось учитывать³².

В Смольном отнюдь не проявляли благодушия при пополнении запасов. 7 июля (почти синхронно с совещаниями у Микояна) в Ленинграде на заседании руководящей комиссии обкома и горкома ВКП(б) рассматривался вопрос о продовольственном положении. Было решено увеличить его обеспеченность мясом за счёт заготовок по Ленинградской обл. и довести запас до трёхмесячной нормы, а также принять «все необходимые меры к увеличению запасов зерна и муки в городе»³³. Таким образом, пока нет никаких документов, подтверждающих упомянутое Микояном решение Жданова отказаться от дополнительного ввоза хлеба в начале войны. Любопытно, что 11 апреля 2017 г. Д. Гранин в частной беседе со мной у него дома вспомнил о своём разговоре с Косыгиным, по словам которого Жданов и Микоян не ладили. «Эмоции, отношения людей — это то, что ни в одном документе найти нельзя, — добавил Даниил Александрович, — а вы, историки, только документам верите».

Для увеличения запасов в расчёте на душу населения, следовало массово эвакуировать из города гражданских лиц, тем самым сокращая спрос, а также ограничить коммерческую торговлю и вывоз продуктов. Однако опыт эвакуации детей в соответствии с мобилизационным планом был печальным и породил нежелание горожан выезжать из Ленинграда, а сохранение неограниченной коммерческой торговли привело к тому, что продовольствие постепенно перешло в частные руки. Вместе с тем нельзя не признать, что торговля, в том числе и коммерческая, была исключительно важна для нормального функционирования экономики. Без соответствующих поступлений наличных денежных средств от населения значительно возросла бы эмиссия и, следовательно, инфляция³⁴. Характерно, что зимой 1941/42 гг. вследствие прекращения коммерческой торговли Ленинград столкнулся с дефицитом наличности для выдачи зарплаты. В январе—феврале 1942 г. по настоянию Микояна деньги доставляли в город самолётами³⁵.

Особо следует сказать о создании и функционировании ледовой дороги через Ладожское озеро и отношении к ней Сталина. После прекращения из-за сильных штормов навигации по Ладоге в Ленинграде стали стремительно таять запасы продовольствия, топлива и боеприпасов. Самолётами можно было доставить лишь сравнительно небольшие объёмы. В городе были сокращены до минимума нормы выдачи хлеба³⁶, начался голод. Тогда наряду с попытками

в негодное состояние». Таким образом, более половины неприкосновенного запаса хранилось в неподобающих условиях (Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл., ф. 21/12, оп. 2, п.н. 44, д. 3, л. 349—349 об.).

³² РГАЭ, ф. 4372, оп. 41, д. 576, л. 157—158.

³³ Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. 1. С. 33.

³⁴ Война резко изменила положение в денежном обращении. В городах значительно выросли расходы в связи с расчётами с мобилизованными, ростом фонда заработной платы военнослужащих и работников оборонной промышленности, выплатой пособий семьям призванных и т.д. Дополнительные налоги и взносы в фонд обороны лишь частично компенсировали эти затраты. По итогам 1941 г. эмиссия составила в СССР 16,3 млрд руб., а денежная масса увеличилась до 34,7 млрд, т.е. возросла почти вдвое (ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 98, д. 410, л. 35—36).

³⁵ Там же, оп. 98с, д. 360, л. 41.

³⁶ Предложения об установлении норм по продовольствию в Ленинграде в условиях блокады вносились в директивные органы уполномоченным ГКО по вопросам снабжения Д.В. Павловым, рассматривались в СНК и затем согласовывались со Сталиным. «Представленные 7 ноября

восстановить воздушное сообщение для поставок высококалорийных продуктов и вывоза необходимого для обороны Москвы вооружения решили попробовать использовать единственную оставшуюся возможность для транспортировки грузов — по льду Ладоги, чему в значительной степени способствовала рано начавшаяся зима. Как справедливо отмечает Соболев, инициатива создания ледовой дороги принадлежала ленинградскому руководству. Сталин, обращаясь к Хозину и Жданову, оставил «на документе такую помету: “Предупреждаем вас, что всё это дело малонадёжное и не может иметь серьёзного значения для Ленинградского фронта”». При этом Геннадий Леонтьевич ссылается на воспоминания Микояна, который частично воспроизвёл два из четырёх пунктов этого письма. «К счастью, — отмечает историк, — председатель ГКО в данном случае ошибался: ледовая дорога не только стала действовать, но и приобрела стратегическое значение для обороны Ленинграда, стала для ленинградцев подлинной Дорогой Жизни» (I, с. 218).

Действительно, ледовая трасса спасла город. Однако она стала Дорогой Жизни только после того, как Красной армии удалось 9 декабря 1941 г. овладеть Тихвином и почти втрое (до 120 км) сократить путь поставок продовольствия, топлива и боеприпасов от железнодорожной станции до восточного берега Ладоги. Но именно к активным действиям на фронте Сталин и призывал в своём письме Хозина и Жданова, видя в этом единственное спасение от надвигавшегося голода.

К счастью, этот чрезвычайно важный документ сохранился: «Ленинград: командующему войсками Ленинградским фронтом генерал-лейтенанту Хозину, члену Военного совета фронта Жданову. 1. Санкционируем устройство предлагаемой вами зимней фронтовой автомобильной дороги. 2. Мы можем подавать вам ежедневно не более муки 400 тонн, крупы 150 тонн, мяса 100 тонн, жиров 50 тонн, сахара 80 тонн, фуража 70 тонн, автобензина 200 тонн, керосина 100 тонн, авиабензина 75 тонн, а боеприпасов, согласно вашей заявки, 200 тонн. 3. Имейте в виду, что противник всячески попытается сорвать перевозки по этой дороге, ввиду этого вам необходимо принять надлежащие меры военной охраны дороги. 4. Предупреждаем вас, что всё это дело малонадёжное и не может иметь серьёзного значения для Ленинградского фронта. Вы не должны забывать, что единственное средство добиться надёжного и регулярного снабжения Ленинградского фронта и г. Ленинграда заключается в том, чтобы поскорее, не теряя ни часа, прорвать кольцо противника и пробить себе дорогу»³⁷.

Таким образом, скептицизм Сталина и других членов ГКО относительно ледовой дороги был вполне оправдан. Он подтверждался как активизацией противника, немедленно после обнаружения новой трассы предпринявшего меры для того, чтобы не допустить увеличения поставок в город, так и огромными сложностями с транспортировкой грузов на восточный берег Ладоги до того, как был освобождён Тихвин³⁸. Осуществлять перевозки зимой при огромных и

тов. Павловым предложения об установлении новых норм по продовольствию считаем приемлемыми, — сообщал тогда Микоян Жданову и Павлову. — С тов. Сталиным согласовано. Можете вводить эти нормы в действие. Привет» (Там же, л. 28).

³⁷ Там же, ф. Р-5446, оп. 120, д. 798, л. 27.

³⁸ Главный маршал авиации А.А. Новиков, в годы блокады командовавший ВВС Ленинградского фронта, вспоминал, что в декабре 1941 г. «противник главные силы своей авиации, поддерживавшей группу армий “Север”, бросил на срыв перевозок по Ладожской военно-автомобильной дороге. Мы выделили для её прикрытия всё, что могли — 100 истребителей, т.е. более половины

по нынешним меркам расстояниях от ближайших баз на станциях в Заборье и Подборовье (320 км) было архисложно. Машинам требовалось 2 недели, чтобы проделать путь от Заборья и Подборовья к Ладогe. Была ли уверенность в надёжности данной коммуникации? Наверное, нет. Не случайно ГКО требовал «принять надлежащие меры военной охраны дороги». Тем не менее, определяя лимиты поставок продовольствия, топлива и боеприпасов в осаждённый город, ГКО и правительство брали на себя ответственность за его снабжение, несмотря на сомнения в возможности осуществлять его через Ладогу в конце ноября 1941 г., когда Тихвин был ещё в руках противника.

Михаил Ходяков: Иерархия продовольственного снабжения в блокадном Ленинграде

Mikhail Khodjakov (Saint Petersburg State University, Russia): The hierarchy of food supply in besieged Leningrad

DOI: 10.31857/S086956870005191-1

Г.Л. Соболев прошёл большой путь в науке. В середине 1960-х гг. именно он, тогда ещё молодой историк, оказался «бригадиром» пятого тома «Очерков по истории Ленинграда», посвящённого периоду Великой Отечественной войны. Для этого коллективного труда Соболев написал главы о первых месяцах блокады (совместно с А.В. Карасёвым), о ликвидации последствий голодной зимы, об укреплении обороны города в 1942 г., о народном образовании, высшей школе и научно-исследовательской работе, печати и радио (совместно с Б.И. Загурским), а также о культурно-просветительской работе³⁹. Впоследствии, обращаясь к блокадной тематике, Соболев неизменно уделял особое внимание проблеме голода, обеспечения города продовольствием, огромной смертности населения⁴⁰. На новом этапе изучения и осмысления истории блокады именно он вновь поставил вопрос о продовольственном снабжении Ленинграда, о мерах, принимавшихся руководством города, и о тех категориях населения, которые обеспечивались продуктами питания в «особом порядке».

О привилегиях в блокадном Ленинграде историкам известно давно. Документы о дополнительных видах продовольствия для руководящих, советских, хозяйственных и партийных работников, сведения о «литерном питании» для командиров, семей генералов, адмиралов, героев Советского Союза и ряда других категорий были опубликованы ещё в середине 1990-х гг.⁴¹ По мнению С.В. Ярова, система привилегий в осаждённом городе «ни для кого не являлась тайной», преимуществом пользовались люди, находившиеся у власти, и «нужные специалисты»⁴². Н.А. Ломагин, опубликовавший комплекс документов, свидетельствующих об иерархии потребления во время блокады, отмечал, что

всех исправных машин истребительной авиации фронта, ПВО и КБФ. Небо над Ладогой превратилось в арену жесточайших схваток» (Новиков А.А. В небе Ленинграда (Записки командующего авиацией). М., 1970. С. 200).

³⁹ Очерки по истории Ленинграда. Т. 5. Л., 1967.

⁴⁰ Отдельные аспекты этих тем анализировали и ученики Г.Л. Соболева. См., в частности: Бизев С.Б. Смертность гражданского населения Ленинграда в годы блокады 1941—1944 гг. (на материалах Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников). Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001.

⁴¹ Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941—1944 / Отв. ред. А.Р. Дзенискевич. СПб., 1995. С. 256—259.

⁴² Яров С.В. Блокадная этика. С. 411—412.